

Копипаста: Медицина — Lurkmore

Кэп напоминает, что медицина превратилась из искусства врачевания в сферу услуг. С одной стороны, в этом нет ничего плохого, но с другой стороны, медицина уже не заинтересована в том, чтобы вылечить человека, она заинтересована, чтобы его лечить. Все больше и больше врачей забивают на этику в угоду своим карманам. Не без исключений, которые только подтверждают правило. При этом, спасая свою задницу, врачи всегда найдут оправдания и способ переложить вину с себя на кого угодно. Например: на тебя, пациент. Короче говоря, здесь собраны морозные истории от медиков и про медиков.

Как работает здравоохранение

Как-то в моем городе произошел взрыв. Было очень много — 150+ пострадавших, многие с политравмой. Политравма это когда, например, и черепно-мозговая травма, и перелом таза, и разрыв селезенки, все одновременно. Очень сложный диагноз. Чтобы лечить таких больных, необходимо:

- 1) огромное кол-во персонала (анесты, хирурги, нейрохирурги, травматологи, рентгенологи, гинекологи, ЛОРы, почти все врачи, короче говоря, + куча младшего мед. персонала);
- 2) техническая база (аппараты для искусственной вентиляции легких, куча мониторов, куча инфузоматов, переносные рентгены, КТ в больнице, одеяла, холодильники и т.д.);
- 3) достаточное число коек, достаточное кол-во лекарств, весь спектр: от антибиотиков до нейролептиков (в день на человека в реанимации уходит минимум 1к грн., а в политравме лежат по 2 мес, там я даже не знаю сколько тыс в день).

Думаю, объяснять, что лекарств и так обычно нет, не нужно. Государство не обеспечивает на 100%, обычно дается около 40%, не более. Даже на катетерах экономят. А написать куда-то, что лекарств нет, так уволят сразу же, потому что отчеты из обл. здрава в МОЗ должны быть без "утряски и усушки". Короче говоря, лекарства закончились на 10м больном. Обслужить политравму могла только областная клиническая больница, 3 уровня аккредитации, хотя в ней на тот момент не было отделения политравмы, просто пропускная способность выше.

Суть истории: в помощь коллегам, что были на смене вышли врачи, чья смена была не в тот день, т.к. не справиться с таким потоком явно не могли. Одной из них была анестезиолог, которой до пенсии оставалось доработать 2 года. Она осмотрела пациента, написала родственникам список того, что ему нужно. Те вышли из больницы, а там их, естественно, ожидала куча журналист. Эти стервятники заметили список, и попросили его показать, сделали фото. В результате, на неё завели уголовное дело. В суде удалось отстоять её "честь", но её уволили с выговором и она дорабатывала в какой-то пригородной больничке.

О врачах-трюкачах

У меня папаша долбоёб и влипал пару раз во всякие истории, из-за чего ему оба раза требовалась операция. И оба раза говноврачи вымогали бабло на операцию. К счастью у меня мамка не промах, разбиралась с эктими случаями, ходила к заведующим, подключала связи и операции делались бесплатно. В моём быдловузике (между прочим главный вузик моего миллионника, длд), первого сентября, когда все первокурсники собрались в одной лекционной декан прямым текстом сказал, что если вы не можете сдавать зачёты, то можете заплатить, говорил так, будто это официально разрешено, лол. Кстати про врачей отдельно скажу, не только про коррупцию, но и вообще. Многие из них (не все конечно) — просто гавно, а не люди. Мне, когда я ещё был корзинкой-подростком стоматолог и её медсестра хамили и вживую нервы удаляли (увидел бы этих шмар сейчас — ей богу, сделал бы инвалидами). Есть ещё в моём городе одна крупная больница — так вот, это пиздец, а не больница. Там в травмпункте видели хамство, вымогательства и ебучее распиздяйство. Моему папаше там однажды руку зашили (он сильно порезался) нитками для внутренних органов, лол. А ещё однажды его же сильно избивали, у него было несколько переломов в черепе, были сильные боли, так эти говноврачи, блять, после того как сделали операцию (точнее после того, как мамка заставила их сделать бесплатно, поговорив с заведующим) вообще на него хуй положили, только ставили физраствор когда мамка приходила и заставляла их пошевелиться. Из той же самой больницы однажды приехала врач скорой помощи уже по моему вызову. У меня короче был запор (ну не смейтесь) и от этого запора сильные боли, я чуть в обморок не падал от боли. Так вот эта врачиха пришла, значит такая, услышала мой рассказ. Ничего не сказав повернулась ко мне задом и начала заполнять какую-то говнобумажку, заполняла её минут 15, блжад. Когда заполнила, сказала подписать. Я подписал, и она начала собираться и уходить. Я её останавливаю, мол подождите, что мне делать? Я же в обморок падаю от боли. Она, стоя на пороге, — "ешьте больше овощей". Смешно, но так и было. Ну хуй с ним, с запором я сам потом справился. Какой вывод можно сделать из всего этого? Никогда не доверяйте врачам. Если кто-то из врачей ошибется, другой врач всегда будет его покрывать и скажет "он всё правильно сделал", у них круговая порука. Так что любое распиздяйство им сойдёт с рук. Почти все врачи — полное быдло и вымогатели, им абсолютно поебать на людей, и они нихуя не будут вас лечить бесплатно и без нужных знакомств.

Медик-кун о нелегкой работе врачей

Являюсь студентом одного из медицинских университетов замкадя и расскажу вам немного о работе врачей. Многие из вас утверждают, что врачи — такие-сякие, плохие, нихера не лечат, а если лечат, то

калечат, что они все идиоты и лучше я разотру настой бадяги с одуванчиком и все как рукой снимет и т.п. бред. Почему вы так говорите? Ведь врачи между прочим учились 6 лет + интернатура (всего приблизительно 7 или 9 лет). Я вам скажу, что в меде учиться не легко и не все доходят до шестого курса. Чтобы вы понимали, с 30 августа этого года я ни одного разу не вышел погулять на улицу – все время сижу над книгами, иначе не сдать экзамены. Про личную жизнь я вообще не говорю. Я нормальной ориентации, но в голове нет даже отдаленных мыслей о второй половинке или планировании семейной жизни, а в медицинском девушек на всех парней хватает с головой – выбор огромный, поверьте. Так вот, сначала ты задрачиваешься в школе, чтобы поступить в мед, а туда поступить очень тяжело. Потом ты вырываешь из своей жизни 7-9 лет, т.к. в меде учатся или хорошо или никак. И вот тебе уже 27 лет, ты еще живешь с родителями и начинаешь работать в государственной больнице/поликлинике за сущие копейки с 8:00 до 18:00. На протяжении всего рабочего дня пациенты, сидя в очереди, делятся своими диагнозами друг с другом предварительно ознакомившись в Интернете, а потом начинают тебе чесать, мол "ты не правильно лечишь, а я вот в Интернете прочитала...". После того, как "лечение в Интернете" не помогло и дало побочные эффекты, кого будут винить? "Врачи, это же врачи такие плохие, в тюрьму бы пересажала их, неучей...".

Сначала вы губите свое здоровье алкогольными коктейлями и энергетиками, а потом жалуетесь на акушеров, которые работают за копейки, потому что у вас родился инвалид Алёшенька, которому нужна операция в Германии. Таков наш менталитет и, сдается мне, это никогда не кончится. Всегда все ищут крайнего, но никто не хочет признавать свои ошибки. В данном случае никто не хочет признавать то, что не послушались рекомендаций врача и пили пиво во время приема антибиотиков, или ходили на работу с воспалением легких, думая что все само пройдет.

Не стоит бояться людей в белых халатах, это вам не Outlast. Никто не желает вам зла, а желает скорейшего выздоровления. Никто из врачей нарочно не будет специально вредить вашему здоровью. Со своей же стороны: сдайте верхнюю одежду в гардероб, не хамите врачам, улыбайтесь и по возможности отблагодарите (троллю) их лично. Вот с таким настроением врачу будет максимально приятно с вами работать и вы добьетесь максимального результата. Удачи вам и не болейте.

Зарплаты бюджетников в этой стране

Прочитал недавно пасту про зарплату учителей, докторов и футболистов, и немного прихуел. Сначала прихуел от того, каким поверхностным взглядом о формировании зарплат разных категорий профессий страдает автор, а затем охуел от самих комментов, что заставило позабыть о недалекости автора пасты. И в этом вся рашка — одни жалуются на то, что у бюджетных работников зарплата в разы ниже чем у тех, кому платят спонсоры и патроны, а другие мыслят не менее обывательски и размышляют шаблонно и категорично — "Маленькая зарплата? Сам виноват!" или "Нахуя быть бюджетником? Вали за бугор или иди в коммерцию!".

Здоровое зерно в таких рассуждениях есть. Согласен, что жить по-совковски, когда и дворник и слесарь имеют копейку достаточную для жизни, и даже двоечник Вася из 9б после ПТУ сможет более менее достойно жить и даже содержать личинку с женой — значит плодотворно биомусор, который достоин только служить в Красной армии в пехоте, чтобы быть мясом при очередной зерг-раш тактике аля Сталинград или Афган. Но не все же родились даунами, есть и идеалисты, которые мечтают, как и в детстве помогать людям (хотя в нынешней ситуации такой альтруизм тоже граничит с даунизмом).

Такие профессии как ученые, учителя, спасатели, врачи государственных клиник и прочие — в коммерции нахуй не нужны. Точнее нужны, но цена им грошь. Ну не ценят их труд. Всем поебать — никакого уважения. Использовать и выкинуть. Ибо коммерция это прежде всего товарно-денежные отношения. И сфера услуг ограничена своей окупаемостью. Платные школы — знаний там не дают. Ты можешь послать на хуй учителя и ничего не делать — тебя не попрут (знаю о чем говорю). Бабло все решает. Доктора частных клиник — не все могут себе позволить. Обычные профилактические осмотры, неотложка и обслуживание льготных категорий граждан — это все ложится на плечи бюджетников, хотя можно послать все это на хуй, только потом не жаловаться, что содержание ребенка в здравости и бодрости, забота о родителях, да и забота о себе любимом увеличится в разы и твоей зарплате даже не будет хватать, чтобы поехать хотя бы в Турцию, а любовнице купить новую безделушку, чтобы она и дальше продолжала растягивать свой попчан о твой член.

Проблема намного глубже и в то же время лежит на поверхности — формирование и распределение бюджетных средств. С экранов орут о модернизации, в то время как единственным лекарством от всех болезней в той же армии является фурацилин. Орут о Сколково, в то время как у академиков РАН и обычной профессуры (тех людей, кто реально двигает науку, а не считает хуйцы на калькуляторе) белая зарплата 20-30 тысяч и это уровень человека со стажем в 20 лет и с учеными степенями. Впрочем, это очевидные вещи. Только обидно, что наше "умное" население считает проводимую политику на уничтожение остатков суверенности рашки тупостью чиновников, а недовольство изливает на клавиши. В ГосДуре сидят не дураки, мудаки — да, но не дураки. Все имеет свою цель и предназначение. Да и русский Ваня это позволяет делать. "Каждый народ имеет то правительство, которое заслуживает" (с). Так что разделитесь уже на кучки тех, кто покупает трактор и тех, кто такой неэбический патриот и хочет что-то изменить. А пока у нас доминирует кнопкодавство "Лутин — пох!" и нытьё "ололо, как же все плохо!" — глупо ждать перемен.

Паста врачefоба

Двач, у меня проблема. Я - врачefоб. Я панически боюсь врачей, любой поход в больницу или в поликлинику для меня испытание, пострашнее испытаний Джона Крамера. И эта фобия возникла не

просто так. Возможно, все началось еще с процесса моего рождения, когда пьяная акушерка чуть не убила меня. Далее я много болел, почти все свое раннее детство я проводил на многочисленных процедурах и хоть смутно, но все же помню, что отношение ко мне было мягко говоря скотское. На меня кричали, ставили больничные уколы, я плакал – на меня кричали сильнее. Моим родителям потом высказывали, что я ужасный ребенок, который очень капризный, шутливый и не уважает врачей, которые хотят ему помочь. И что если так будет продолжаться, то они не будут меня лечить. За это родители ругали меня. А я потом плакал от обиды и бессилия. В школьные годы ситуация не изменилась. Обращаясь за помощью в медкабинет, мне пихали активированный уголь и требовали, чтобы я не мешал им работать (!) и что мне лишь бы уроки прогулять. А учиться за тебя кто, Пушкин будет что-ли? — говорили они. Закончилось это тем, что меня увезли на скорой прямо с урока геометрии. Эту поездку я тоже хорошо запомнил, т.к. приехала раздолбанная буханка, в которой всё гремело и тряслось, а врачи не обращали на мои болезненные стоны никакого внимания. В приемном покое я провалялся 2 часа без помощи, потому что врачи требовали у меня какие-то документы, которые я даже не знал — есть они у меня или нет. Потом их привезли родители, и мне, где-то через полчаса после этого, начали оказывать помощь. Я пролежал в больнице около двух недель, в течении которых мне ставили неприятные и ненужные уколы, назначали подозрительные процедуры с перемотанными изолентой приборами, и всячески упрекали меня за то, что я сам довел себя до такого состояния. Следующий шок я испытал на военно-врачебной медкомиссии в военкомате, где мне сказали, что я абсолютно здоров, несмотря на кучу справок в деле, а на мои возражения на эту тему спокойно ответили, что "в войсках по прибытию будет еще одна медкомиссия, вот там все и расскажешь". Но Аллах милостив и в армию я все же не пошел. Хотя и не совсем законно, но иначе, я думаю, что вернулся бы оттуда либо инвалидом, либо в гробу. Однажды у меня сильно заболел зуб и я направился в поликлинику к зубному, где мне его вырвали без всякой анестезии, объяснив, что раньше всегда так делали и никто от этого не умер. Хотя, к этому моменту, я уже привык и смирился со всеми этим врачебным тонкостям. Измученный медициной, я чувствовал себя экспериментом, который ставят многочисленные врачи. Изрезанный вдоль и поперек неуважением, хамством, какой-то непонятной злобой по отношению ко мне, я стал испытывать дискомфорт. Знаете, у больниц есть свой специфический запах. Почувствовав его, я начинаю испытывать страх, руки начинают трястись. Мне кажется, что однажды меня схватят люди в белых халатах, бросят на грязный, окровавленный операционный стол и начнут пытку, похлеще чем в фильмах "Хостел". Мне иногда снится, как меня вскрывают, живого, в полном сознании. Я кричу, а они смеются...

Бой за кровать

Недавно отобрал у папки портмоне. Преполненная, скажу я вам, вещица. Там лежат деньги. Помимо законных, известных сбережений в отделе для купюр там можно найти лишнюю сотню-две, по пьяни утрамбованные в отделение для кредиток. И хотя такое было единжды, но очень, о-о-о-очень вовремя. Порадовавшись незапланированной банке кофе, я всгрустнул. Наверное, единственное суеверие, к которому я верю-это находка денег. Мол найдешь сотню, потеряешь пять. Я растворял кофе и ждал неприятность. В этот раз неприятность промахнулась и аппендицит воспалился у знакомой девочки. Может быть у главбеса остались накладные только на аппендикс и напрямую затронуть меня не выходило никак ибо мой давно ампутирован. Однако это мурло таки доставило мне кучу неприятных минут. Ну да ладно, то не сказка, то присказка.

Чувствуя определенную ответственность за невовремя воспалившийся отросток я бодрой рысью поскакал в больницу. Купил минералки и сигарет, захватил из дома разводной ключ и индикатор (такая штука-фаза в розетке определять). Минералка и сигареты для девочки, жрать то после операции нельзя. А разводной ключ и индикатор для меня. Как опытный больничный сталкер я отказываюсь заходить в зону без галимого минимума инструментов.

Девочка была послеоперационно бледна и нечесана. Обрадовалась сигаретам, проигнорировала минералку и выразила неудовольствие тем, что ладно мама, но я почему не догадался ей принести расческу. Я ответил в духе, мол расчески кончились, а новую партию не завезли. Она больно хихикала и жаловалась мне на кровать. Мол все хорошо и сигареты есть, и интэрнет больничный поскрипывает пакетиками, но вот кровать мешает ей объективно. Я в очередной раз порадовался своей предусмотрительности и пообещал поспособствовать выяснению отношений с кроватью.

Кровати бывают разные. На просторах больничной зоны наиболее распространена так называемая панцерная кровать. там где натянута стальная сетка. Лишь опытный сталкер знает, что такую сетку можно натянуть, предвинув с помощью двух винтов блок крепления подальше. Таким образом стальная сетка растягивается сильнее и меньше провисает под грузом тела. Так же кроватное разнообразие на постсоветских больничных посторах представлена функциональной кроватью. Здесь нет смысла объяснять что это. Данное творение советского гения нужно лицезреть. Лицезреть не оскверняя вопросом рта и восхищенно, полушопотом вздыхать в духе "да, были люди в наше время". Что бы полноценно пользоваться той кроватью надо : а) пройти спец курсы "оператора функциональной кровати", б) иметь слесарные навыки и минимальный слесарный инструмент, г) держать наготове искусного сварщика— время все таки...

Я искренне надеялся на встречу с панцерной кроватью, ибо последнее общение с кроватью функциональной стоило мне 2х часов времени и литра пота.

Глубоко вдохнув, я поднял матрас, и выстонал воздух назад, наружу. На меня облезшей краской смотрели

многочисленные решётчатые плоскости функциональной кровати. В молодости эти плоскости поднимались под самыми разными углами. Можно было задрать ноги, можно было приподнять голову. Даже поясничная часть кровати могла менять угол. Сейчас от старушки требовалось лишь держать матрас параллельно полу, но и с этим ветеранка не справлялась. Где— то в районе таза, иначе говоря жопы, несколько прутьев отломались от рамы. Таким образом человек ощущал себя лежащим на унитазе. То есть лежишь себе лежишь, но ровно до пояса. Все что после пояса кокетливо упирается в пустоту. При этом в оконцовку допояса, в такое предлобие упирается ребро жесткости. Вот тут то и начинается сказка. Мне бы хотелось написать её в стиле Жванецкого. Когда обстоятельства диалога, его участники, действие как бы вытекают из самого диалога. Диалог самодостотачен без пояснений.

Иду к медсестре-хозяйке. Давно уже доказано что врач в больнице не главный, он лишь обслуживающий персонал абсолютно бесполезного приспособления по имени пациент.

— Добрый, в 16-ой кровать сломалась.

Не здороваясь:

— У нас другой нет.

В коридоре стоят штук десять, одна на другой. Как панцерные так и функциональные.

— Я в коридоре видел кровати, можно я поменяю?

— Это кровати из другой палаты, там сейчас ремонт.

— Ну так отлично, я возьму одну из них, пока ремонт, поломанную починят.

— Это кровати из другой палаты, их нельзя менять местами!

Совершаю ошибку, хочу докопаться до причины, заведомо зная, что её нет:

— Почему?

— МОЛОДОООЙ ЧЕЛОВЕК, ЧТО ВАМ НЕПОНЯТНО? КРОВАТИ НЕЛЬЗЯ МЕНЯТЬ МЕСТАМИ!

— Все понятно, не стоит кричать, дайте мне другую кровать.

— Других кроватей нет.

— Но в 16й кровать сломалась, лежать не на чем.

Смотрит на меня как на идиота:

— А я тут при чем?

Я немного притормаживаю. К кому я вломился кровать требовать. Уточняю:

— Вы сестра-хозяйка?

— Да.

— Тогда у кого если не у вас мне новую кровать просить.

Что то бормочит себе под нос, выдает:

— Я вам что... РОЖУ новую кровать?

— Мне новую не надо, мне можно старую, но исправную.

— Я вам что... РОЖУ новую кровать?

Рискую заикнуть диалог, возвращаюсь в начало:

— В коридоре стоят... не успеваю договорить:

— ЭТИ КРОВАТИ ИЗ ДРУГОЙ ПАЛАТЫ, ИХ БРАТЬ НЕЛЬЗЯ.

Уже на взводе: — Так дайте мне другую кровать, та сломалась, на ней невозможно лежать!

— Я ВАМ ЧТО...РОЖУ НОВУЮ КРОВАТЬ?

Пометавшись еще минуты 2 по смыловому лабиринту из новых, нерожденных и старых, но из другой палаты кроватей, я вышел из кабинета сестры хозяйки. За что я люблю нелегкое дело больничного сталкинга, так это за неиссякаемую новизну проблем.

Достижение цели состоит из решения задач. Цель ясна. Надо определить задачу и найти решение. Допустим "новой" кровати в природе не существует. Надо санкционировать смену моей кровати на одну из тех, что стоит в коридоре. Кто мне может дать на это разрешение в обход сестры хозяйки. Иду к заведующему отделением. Стучусь, захожу. Уже немного бешусь.

— Здравствуйте, моя фамилия А@@@ов. У меня проблема.

Такого рода начало диалога присуще тем, кто вправе полагать, что после обнародования своей фамилии в окружающей действительности должны происходить перемены. Этакий рефлекс времен больших начальников и блата. Чем я пользуюсь и вам рекомендую.

Мое вмешательство прервало беседу заведующего с еще одним носителем белого халата. Они замолкли и выпросительно посмотрели на меня.

— В 16й палате сломалась кровать.

Реакцию произведенную моей новостью я называю "эффектом польского паспорта." Помните как у Владимира Владимировича... да не у этого, а у Маяковского:

На польский -
глядят,
как в афишу коза.
На польский -
выпяливают глаза.

Пользуясь замешательством, я беспардонно вошел в кабинет и без разрешения присел. С мужиками в этом смысле гораздо проще. Любая баба, от которой что-либо зависит не имеет рамок и границ, она на тебя и драться может броситься. Между мужиками всегда есть грань, переходить которую ни один из них не торопится. Моя же наступательная беспардонность была оправдана благой целью.

— Разрешите пояснить, — пользуясь замешательством, начал я. В 16-й палате лежит моя родственница, — я обосновал свой статус и свое право предъявлять претензии, — после операции. У неё сломалась кровать. Сестра хозяйка не разрешает заменить сломанную кровать на одну из тех что стоят в коридоре.

Два дохтура переглянулись. Тот который сидел за хозяйским столом переборов замешательство выдал.

— А я-то тут причем?

Я с силой зажмурился. Проглотив подступающую ярость ответил:

— В 16й палате. После операции, сделанной в вашем отделении. Вашими хирургами. Лежит моя родственница. Однако лежит она условно, потому что кровать сломана. В коридоре. В вашем отделении стоят кровати. Много. Сестра хозяйка, работающая сестрой хозяйкой вашего отделения, не только отказывается заменить сломавшуюся кровать, но и не разрешает мне поменять поломанную кровать на исправную своими силами.

Мышцы на заведующем лице задвигались. Трудно, напряженно, как тиктанические пластины, наползая одна на другую. Главный дохтур вылепил из своей мордахи нечто понимающе-неодобрительно-согласное, но все таки возмущенное. И изрек.

— Хорошо, я разберусь. Выйдите, я занят.

— Да, конечно, извините, — оставалось сказать мне, ибо, по правде говоря, я действительно завалил стрелку борзомера вправо. Все таки приятно, что среди маразма остались такие вот люди. Рациональные люди действия. Окрыленный столь удачным обращением к начальству и предвкушая скорую расправу на головотяпной сестрой-хозяйкой я двинулся вперед, как вдруг... опа... я споткнулся. "Разберусь"... с кем ты разберешься, когда, а главное как. Вот казалось бы проженный многочисленными больницами, битый волчара-пациент, а кинули как щенка. "Это не молоко", — подумалось.

Я вернулся назад, еще раз аккуратно постучал в дверь, уже боязливо заглянул внутрь:

— Дико извиняюсь, но не могли бы вы уточнить как скоро вы разберетесь?

Но там уже были готовы:

— Я что не по-русски сказал, что я занят?

Был мне ответ. Я закрыл дверь с другой стороны и принялся преданно ждать. Сам виноват. Спустя минут 20, дверь открылась и белохалатный посетитель вышел наружу. Не дав ему закрыть дверь я ломанулся внутрь. Внутри мне были не рады.

— ЧТО. ВЫ. ОТ МЕНЯ. ХОТИТЕ. Раздельно процедил заведующий.

— Ну что же вы, пойдёте разбираться...

— Я не заведую кроватями.

Иными словами, если разобраться, разбиральщик разбираться не собирался.

— А кем Вы заведуете?

— Послушайте, молодой человек... когда вы такое слышите, знайте: можете слушать, можете не слушать, вас просто пошлют на, хотя может быть и в.

— С удовольствием послушаю, уважаемый, но вначале давайте определим предмет обсуждения, — я невежливо перебил заведующего. Чем быстрее вы вникните в абсурдную суть происходящего, тем быстрее вы от меня отвяжитесь. Я понимаю, что вы не заведуете кроватями, что у вас куча дел и прочее. Поверьте, мне бы тоже было начхать на кроватный рынок Российской Федерации, если бы он не касался моих близких. Девочка не может уснуть на сломанной кровати, в то время когда в трех метрах просто так стоят нормальные, абсолютно свободные, и искренне надеюсь исправные кровати. Которые, исходя из неясной мне безумной логики, запрещено трогать. И так?

Заведующий смотрел на меня растеренно-, озлоблено. Вся его суть, все естество нежелали вникать в мою

проблему, но суровая реальность была представлена таким образом, что в стороне он отсаться не мог. Точнее понимал, что я его в стороне не оставят.

— Что ж, пойдёмте.

Мы гордо шли по коридору в сторону кабинета сестры-хозяйки. Стенобитным орудием впереди катился заведующий. Сзади легкой рысью, скандально потирая ручки семенил я.

Дойдя до центра кроватного управления он остановился, посмотрел на меня:

— Здесь подождите,-молвил он и зашел внутрь.

Я подслушивал не таясь.

— Что там у нас с кроватью в 16-ой, Марья Филиповна? Уважительный бас заведующего.

— "Чево"? с какой кроватью? Визгливо и расхлябано.

— Ко мне только что родственник приходил, он говорит...

— Этот придурок к Вам поперся? Я ж ему русским языком объяснила, завтра позвоню слесарям, может починят.

— Послушайте, Марья Филиповна, а что за кровати в коридоре стоят?

Заведующий откровенно побаивался сестру хозяйку. Порой мне кажется, что свежее испеченного доктора, этакого стройного, в очочках и халатике, бросают в яму со страшным мед персоаналом, которые мучают его три дня и три ночи, навсегда вбивая в подкорку боязливое отношение к разного рода медсестрам техничкам и завхозам.

— ЭТИ КРОВАТИ ИЗ ДРУГОЙ ПАЛАТЫ!!!! Меня аж отбросило от двери. Я РУССКИМ ЯЗЫКОМ СКАЗАЛА!!! ЧТО ОН ТУТ ХОДИТ, ЖАЛУЕТСЯ....

Я отошел от двери. Стенобитное орудие оказалось хлипковатым. Цитадель устояла.

Спустя некоторое время "побитый заведующий" вышел из кабинета, ненавистно посмотрел на меня и сказал:

— Я отдал распоряжение, завтра кровать починят.

— Не стоит выдавать желаемое за действительное, любезный, — я не собирался оставлять ему шансов, — не вы отдали, а завтра позвонят, но мне хочется, чтобы девочка спала на нормальной кровати уже сегодня.

— Ничем не могу помочь.

— Понимаю, в таком случае пойдёмте напишите мне расписочку, и более не смею вас отвлекать.

Любой мало мальски руководитель, выросший во времена советского союза отчего-то боится писать. То есть говорить вслух не боится, а вот написать...

— Какую расписочку? — встрепенулся заведующий.

— Ну как какую? Мол я, такой то такой-то своей властью и под свою ответственность отпускаю такую-то такую из больницы номер 1, так как в данный момент не могу предоставить ей койко место. Я, любезный, хочу озадачить данной проблематикой министерство здравоохранения, пусть введут режим облегченной замены кроватей.

— Ничего я тебе писать не буду, — расвирепел заведующий. Иди жалуйся.

— Не припомню нашего брудершафта, — продолжал глумиться я, — держите себя в руках, не уподобляйтесь, — я кивнул на дверь кабинета.

— Все, — он понимал весь идиотизм ситуации, — идите, не мешайте мне.

— Куда ж мне идти? Кто ж мне кроме вас кровать даст поставить?

Заведующий посмотрел на меня зло:

— Куда хотите, туда и идите!

— Даже к глав врачу?

— Да хоть к ГОСПОДУ БОГУ, — не выдержал и все таки заорал на меня врач.

Теперь смена кровати стало для меня делом чести. На кой хер я вообще нужен, если не смогу решить такого рода задачу. Я взял таймаут, зашел в палату к подруге, попил минералки и слегонца доломал кровать. То есть отломил оставшиеся прутья решетки от ребра жесткости. В конце концов, решил я, даже если мне не получится "официально" совершить обмен, совершу насильственно, отгоняя от себя медсестер гаечным ключем. Веселая ярость клокотала внутри меня. Я уже и забыл, как это бывает забавно — биться об стену тупости ощущая себя таким носорогом разума и справедливости.

Найдя на первом этаже кабинет глав врача, я вошел без стука. В приемную стучаться признак дурного тона. Поглядев на секретаря и не замедляя шаг, я кивнул на дверь с ФИО:

— У себя?

Секретарша кивнула, но вдруг спохватилась:

— А кто вы... я не дослушал, приоткрыл дверь и убедившись что глав врач одна, со словами: "Разрешите", вошел внутрь:

— Здравствуйте, меня к вам направил заведующий гастроэнтерологии, сказал что вы должны заявление

подписать.

Причем я не ощущал себя лгуном. Ну не напрямую направил, а косвенно, а заявление... так это подразумевалось, кто ж без заявления по главам врачам шляется. Больше бумаги — чище жопа! Первая заповедь юриста.

- Какое заявление. Эффекта польского паспорта не последовало, но недоумение имело место.
- Ну как, заявление на перестановку кровати.
- Какой кровати.
- Больничной кровати.

Глав дохтур смотрела на меня с живейшим интересом. Ей не хватало подробностей.

- Разрешите, — я выдернул из принтера чистый лист формата А4. Достав из кармана ручку и, оставив место для "шапки" принялся "писать вслух".
- Заявление, — растягивал слова я, давая себе время перенести диктуемое на бумагу. "Прошу вас разрешить мне своими силами произвести замену сломанной кровати в палате №16, на исправную кровать, находящуюся в коридоре гастроэнтерологического отделения". Я немного подумал и добавил: "так как лежать на сломанной кровати горизонтально не представляется возможным." Подумав еще чуточку, я поставил запятую и закончил: "а после операции лежать надо горизонтально." Размашисто поставил подпись и число после чего протянул бумаженцию врачу. Несмотря на то, что я прочитал все это в слух, тетенька в белом халате внимательно уставилась в написанное. Секунд 20 она смотрела в лист. После чего еще столько же она смотрела в меня.

- Это что?
- Заявление.

Она опять посмотрела на бумагу.

- Я шапку потом напишу, подписывайте смело.
- Как это? Врачиха в упор не понимала чего я от нее хочу.
- Напишите, — терпеливо объяснил я, — не возражааааю, и подпись. Печать у секретаря?
- Да, — ответила она и продолжила смотреть на меня не подписав заяву.

Я понял, что без моей помощи ей не выкоробкаться.

- Понимаете, начал я, — в палате сломалась кровать. Страна в кризисе, новых кроватей нет. Можно было бы взять кровать из временно пустующей палаты, в которой ремонт. Но все кровати пронумерованы и занесены в единый кроватный реестр (я придумывал происходящему обстоятельства, дабы наполнить его хоть каким-нибудь смыслом). Нарушать кроватный реестр-подсудное дело, никто рисковать не хочет. Посему вот подпишите заявление, ну сами же понимаете чистая формальность. Врачиха смотрела на меня. Я смотрел на врачиху. Видимо что-то в моих глазах такое было...этакое... Еще немного помедетировав на бумажку, и, видимо, не найдя там ничего предосудительного она медленно, словно впервые, подписала мне заявление. Я коротко поблагодарил, и уже в приемной настроил шапку. Проходя через хол я сделал две копии заявления. Оригинал я хотел оставить себе на память. Войдя в отделение я гордо прошепствовал к заведующему. Постучался, вошел в кабинет.
- У Господа было занято, — я богохульно перекрестился на пустой дальний правый угол, — вот, силами местного начальства. Я положил перед ним копию заявления и вышел.

Зайдя в палату, я пересадил девочку на стул, свернул матрас, одеяло и подушку в рулон и скинул с кровати. Тремя мощными рывками я вписался в дверной проем и выкатил кровать в коридор. С диким грохотом я ехал к кроватной парковке за новым аппаратом. Доехав и поставив кровать в ряд, я выбрал такую же, но с целой решеткой. Прилег на нее, даже немного попрыгал по ней задницей на предмет тест драйва. Данная особь была здорова. Я покатил её за собой в сторону палаты №16.

"Черт, как все просто, — думалось мне, — надо было бучу поднимать." Я катил кровать за собой, продвигаясь спиной вперед и поглядывая на дорогу через плечо. Вдруг вдали раздался вопль. Сквозь грохот издаваемый кроватью я не слышал слов, но видел её. Сестра хозяйка, такая пухленькая тетенька лет под пятьдесят стелилась над больничным линолиумом хищными прыжками сокращая дистанцию.

Жутковатое зрелище.
До палаты оставалось метров пять.

Я и кровать ускорились. Но было понятно что нам не успеть. Умом я понимал что мне ничего не грозит, но подсознательный страх липкой щупальцей схватил меня за яйца. Я остановился, стравил воздух сквозь плотно сжатые зубы и начал доставать из заднего кармана специально припасенную копию заявления. Сейчас будет финальная схватка с боссом.

Но настигнувший нас босс не удостоил меня разговором. Схватив кровать она шустро потянула её назад, вслух рассуждая на тему "совсем охерели, как у себя дома..."

Отбросив заяву я схватил уплывающую от меня кровать за дужку и начал тянуть на себя. Молодость и превосходящий вес начали побеждать. Шаг за шагом я тянул кровать и сестру хозяйку за собой. На крики начали собираться пациенты и медсестры.

Первые болели за меня. Вторые пытались прекратить безобразие, но глядя на меня, красного и шипящего, рывками дергающего кровать на себя, вмешиваться стеснялись.

Тут появился заведующий. Все это время он беседовал с глав врачом. Причем инициатором была последняя. Видно нелегко ему было объяснить за каким дюделем он направил меня к ней, и где находится единый кроватной реестр. Сквозь вопли сетры хозяйки он пытался мне что-то сказать. Я пытался ему объяснить, что если он тронет меня, то я восприму это как нападение, и буду действовать в соответствии с уголовным кодексом. То есть адекватно угрозе своему здоровью — сломаю ему нос. Я был готов. Естественно никто ничего не понимал, ситуация закручивалась в штопор.

После очередного удачного рывка, в кровати что-то хрустнуло и тягловая медсестра упала на жопу сжимая в руках спинку от кровати. Пациенты зааплодировали. Сестра-хозяйка орала что-то среднее между убью и караул. Я протащив обезспиненную кровать еще пару метров остановился. Что делать дальше я не представлял. Вторую кровать укатить мне не дадут, или сломают по дороге. Черт его знает чем все это закончилось если бы не пришла глав врач.

Окатив присмиривших медсестер и зава суровым начальственным глазом, она задала единственный вопрос:

— ЧТО ТУТ ПРОИСХОДИТ?

— Не дают кровать поломанную поменять, — гаркнул я.

— Прекратить. Поменять. Все ко мне в кабинет с объяснительными до вечера. Неистовствовала глав врач. Старшая медсестра хотела было что-то пояснить, но ей посоветовали помолчать.

Пациенты начали расходиться. А я пошел за "новой" кроватью.

Велосипедист

Повод для вызова был "без сознания, затруднение дыхания". У нас подобные "серьезные" вызовы бывают часто, потому что бригада у нас специализированная - реанимационная. В составе врач-реаниматолог, фельдшер, медсестра с профилем по реанимации и санитар - богатенькая по нынешним временам комплектация.

Интереснее было место: набережная реки Свислочь у территории школы N. А время тогда было - два часа ночи, вторник. По всем признакам ожидался типичный "синяк", тем более что сердобольные граждане чего только не наговорят, лишь бы неотложка примчалась и поскорее оказала помощь перевыпившему бедолаге. При этом, буде вы спросите самого "бедолагу", нужна ли тому помощь, он скорее всего ответит, что в настоящий момент времени он самый счастливый человек на свете, и никакой помощи ему не нужно. Ну, или пошлет нахуй, но мы-то знаем, что имел в виду.

Люблю свою работу за сюрпризы, которые она преподносит. Вот и в этот раз в свет фар попал не бородатый мужичок в обосцанных штанах, а молодой человек вообще без штанов. То есть они присутствовали, но были спущены в щиколотках, как если бы он сел сбросить балласт. Это, кстати, и была первая моя мысль: сел, натужился, ну и чего-то там перемкнуло.

Лежал он под забором средней школы на достаточном отдалении от ближайшего жилого дома. В паре десятков метрах проходила пешеходная дорожка вдоль реки, но по понятным причинам глубокой ночью буднего дня она особой популярностью не пользовалась. Возле нашего пациента были двое: велосипедист и молодая, привлекательной наружности девушка. Велосипедист направился нам навстречу, в то время как девушка будто порывалась уйти, но сама себя останавливала.

Мы подошли к парню и сразу поняли, что никакого затруднения дыхания у него не было. Он просто храпел. Возможно, из-за его неестественной позы храп был немного не такой, каким обычно бывает во время сна, поэтому его можно принять за хрип, особенно в ситуации потери сознания. Такое, на самом деле, встречается часто. Был один мужик, который нес мешок картошки и от внезапной боли в спине потерял сознание, уже сев в автомобиль. Когда мы приехали, у нас больше опасений вызывало состояние его жены: ее так перепугал непривычного звучания (из-за сидячей позы) храп, что истерика продолжалась до самого приемного покоя.

Мы быстро осмотрели парня. Видимых травм у него не было, алкоголем, что интересно, не пахло. Дерьмом, к счастью, тоже. Меланхолично трепался на ветру тяж эякулята, свисающий с головки его члена. Тут наконец дал пояснения велосипедист. Начал он с того, что назвал себя виновным во всем произошедшем. Это еще сильнее подогрело интерес (сбил срущего парня? намотал штаны на колесо? анальные игрища?).

Как выяснилось, парень с девушкой еще двадцать минут назад незабвенно предавались жарким поебушкам. Классической позы "раком" придавало некоторую пикантность использование школьного забора в качестве опоры. Вероятность того, что на тебя кто-то наткнется, минимальная. Но ненулевая. И

вот этот любитель ночной езды нежданно-негаданно поимел немного ночной пизды. Наверное, с достаточной детализацией, потому что на велосипеде у него стоял мощный профессиональный фонарь, который светил лучше фар нашего авто.

Велосипедист сказал, что отреагировала пара достаточно вяло. Парень обернулся на свет, но простые движения при этом не прекращал. Велосипедиста родители не учили, как правильно реагировать на такие ситуации, и он сделал первое, что пришло ему в голову: посигналил им. Гудок у него был еще лучше, чем фонарь. Как он объяснил, воздух накачивается в емкость под огромным давлением в десяток атмосфер и нажатием кнопки выпускается через сеть резонаторов. В итоге выходит более ста децибел.

После нажатия на кнопку гудка парень наконец прекратил поступательные движения членом и медленно, кинематографично завалился на бок. И с тех пор лежал неподвижно. Девушка с определенным трудом вернула на место нижнее белье, убежала, а затем вернулась обратно и попыталась оттащить за руку парня. Возможно, хотела утопить в реке.

Велосипедист вызвал нас. Мы нащупали у парня пульс и сняли ЭКГ. Вообще, потеря сознания от внезапного звука может быть весьма серьезной. Есть врожденные заболевания, которые в таких ситуациях могут привести к внезапной смерти. Помните, мама говорила, что пугать нельзя – сердце разорвется? Оно, конечно, не разорвется, но у некоторых людей внезапный звук может спровоцировать летальную аритмию.

С парнем было все в порядке. Его мозг просто решил – хватит. Подруга, поборов смущение и страх, призналась, что они "что-то курили", и мы отвезли его в токсикологию. С тех пор мне понятно, что ебаться у школьного забора нужно в наушниках.

Дотка

Днем нам дали вызов "отравление медпрепаратами, попытка суицида". Дело житейское, нередкое, хотя старшие коллеги говорят, что раньше такое случалось куда чаще. Немного необычным было то, что пациентом стал молодой человек лет семнадцати. Такие вообще суицидятся нечасто, а уж если и собираются выпиливаться, то таблетками пользуются в последнюю очередь. Вообще, таблетки используют чаще женщины.

Нас встретила самая обычная квартира. Жирная мамаша и красный, перманентно потный батя провели нас к малолетнему пиздюку. Тот лежал на диване в позе, излучающей страдание (14 голодных африканских детей в эквиваленте), закатывал глаза и держался за живот. Сразу запахло постановкой. Достаточно пару раз увидеть настоящих глотальщиков, чтобы научить отличать их от артистов местного драмкружка.

Я принялся изучать картинно раскиданные вокруг упаковки от препаратов. Если бы не сопящий рядом от напряжения и беспокойства батя, я бы, наверное, заржал как конь. В первой упаковке когда-то был активированный уголь (который сам по себе во многих случаях применяется как сорбент при отравлениях). Рядом лежали целых три упаковки глицина, который в организме просто превращается в воду и углекислый газ. Упаковка валидола (мята). И – единственное что вызывало беспокойство – две упаковки аспирина.

По итогу было непонятно, то ли он слишком умный (и наглотался плацебо, но непонятно, почему все-таки аспирин), то ли он беспросветно тупой и хватал все, что есть в домашней аптечке. Исходя из его поведения и той минимальной коммуникации, что у нас была, я бы твердо склонился ко второму. Именно поэтому мы проработали еще один вариант. Мальца мы переложили на пол (в процессе страдания достигли 27 г.а.д. в экв-те) и начали шариться в закутках мягкой мебели.

Бинго! Наш врач вытаскивает из кресла горсть разномастных таблеток. Все здесь: и кругляши валидола, и маленькие блестящие таблетки глицины, и скомкованный черный уголь – хоть типовые задачи по теорверу составляй.

Батя покраснел еще сильнее (не думал, что это возможно) и разве что пар не начал выпускать. Мама заплакала, наверное от счастья. Я решил подарить парню еще пару минут спокойствия и поговорить с ним "по душам". Он уже понял, что дело пахнет жареным, и на лице у него наконец начали появляться оттенки истинного страдания.

Выяснилось, что этим днем у него должно было пройти централизованное тестирование (аналог ЕГЭ в Беларуси). Он даже немного готовился. Утром он решил немножечко взбодриться и поиграть в дотку (Dota 2). Когда он наконец выебал всех мамок, выяснилось, что тестирование уже началось. Чтобы не отхватить сказочных пиздюлей от бати (следующее тестирование, на минуточку, через год), он и родил этот гениальный план. С таким нежеланием отпускать бригаду скорой на нас еще никто никогда не смотрел.

Седцебиение

Вызов пришелся на самое "мертвое" время — четыре часа после полуночи, когда уже слишком поздно для вечерних гуляний, но еще слишком рано для пробуждения рабочего люда. Обычно в такие часы нашими спутниками оказываются немногочисленные такси, но в тот день их было еще меньше, чем обычно. Снегопад сковал город, и мы добирались до дома, расположенного в трех кварталах от станции, вдвое больше, чем это должно было занять. Впрочем, вызов был не срочный — молодая девушка с "аритмией".

Пока мы шли от машины до подъезда, нас успело здорово припорошить крупным снегом. Форма у нас насыщенного красного цвета, со светоотражающими элементами, поэтому вид мы приобрели самый что ни на есть праздничный. Отмечать, впрочем, уже было нечего: даже Старый новый год был позади, а от Нового осталась разве что аккуратная гора бутылок под лавкой.

В квартире нас встретила мать девушки. Новоявленная пациентка была молода (лет двадцать) и очень красива: белокурые волосы, тонкие черты лица и большие голубые глаза. Глаза эти были наполнены страхом, что только подчеркивало ее красоту и к тому же активировало во мне какие-то древние инстинкты, призывающие к немедленному спасению самой ценной особи.

Страшно Оле было прежде всего потому, что ее организм впервые так здорово ее подвел. Это случается со многими: проходят десятилетия жизни, которые изредка омрачаются простудами, герпесом или в худшем случае переломами. Те же переломы — это неприятно, зато понятно. Понятно, почему так произошло, как этого можно было избежать, как это нужно лечить, а главное — понятен исход. Выздоровление.

На этот раз Оле ничего не было понятно, и эта неизвестность ее очень пугала. Все, о чем она могла думать в этот момент — это ее сердце, которое сокращалось с необычайной быстротой, и скорая смерть. Ведь всем же известно, что когда нелады с сердцем — самым важным органом — пора незамедлительно записываться к нотариусу.

Приезд бригады скорой помощи часто оказывает поразительное воздействие на больных: независимо от тяжести их состояния, они оживают на глазах, смелеют, начинают шутить и успокаивать родных. Это происходит потому, что наша уверенность передается им. Наблюдать со стороны за действиями бригады приятно: каждый человек знает свою роль, каждое движение отточено, каждое слово произносится по делу. Пациент рад видеть не просто медиков, но специалистов, которые всем своим видом показывают, что они знают свое ремесло.

Оля была в этом смысле досадным исключением. Наш приход и развертывание инструментов, казалось, только увеличили градус безысходности в ее взгляде. На вопросы она отвечала скупно. Удалось дознаться, что беспокоит ее сердцебиение и слабость, алкоголь, наркотики, по ее словам, не употребляла. Известных хронических болезней нет. Отец умер рано (интересно в случае аритмии). Разбился на легкомоторном самолете (не интересно в случае аритмии).

Наблюдая за тем, как фельдшер устанавливает электроды под маленькой нежной грудью, я взял руку Оли и нащупал пульс. Ритм действительно был очень частым — за секунду сердце успевало сработать где-то три раза. На ЭКГ был наджелудочковый ритм с частотой около 170 ударов в минуту. Чаще всего такое случается при наличии в проводящей системе сердца дополнительных, обходных путей, при помощи которых электрический импульс заикливается. При нормальном ритме электрическая волна возникает в одном месте, распространяется по сердцу и затухает. В этом же случае импульс с большой скоростью бежит между нормальным пучком и обходным, заставляя сердце сокращаться с большой частотой.

Наджелудочковые тахикардии, как правило, не опасны для жизни, поэтому никакой спешки в наших дальнейших действиях не требовалось. Однако поскольку девушка жаловалась на слабость и головокружение, мы решили купировать тахикардию самым быстрым способом. Для этого используется лекарство под названием аденозин. Аденозин создает в самом крупном сердечном узле непреодолимую для электрического импульса блокаду. Если ритм сердца наджелудочковый, то, говоря проще, аденозин останавливает сердце. А самое интересное, что аденозин в крови очень быстро распадается. Его концентрация уменьшается в разы в течение первых двадцати секунд. Это используется для того, чтобы прервать порочный электрический цикл в сердце. После того как действие аденозина заканчивается, должен заработать нормальный водитель ритма — синусовый.

Перед введением аденозина мы всегда предупреждаем пациента о том, что у него могут возникнуть необычные ощущения. Кто-то из врачей просто говорит "неприятные", кто-то сравнивает их с падением в колодезь, я же обычно представляю эти ощущения пациентам как "чувство неминуемой гибели". Такое описание я встретил в зарубежной литературе, и оно лучше всего отражает то, что почувствовал при введении аденозина я сам (к слову, аденозин я "попробовал" исключительно из интереса).

Оля в ответ на красочный эпитет только кивнула. Было понятно, что это "чувство неминуемой гибели" она испытывает уже некоторое время, поэтому эти слова ее совершенно не тронули. Мои пальцы лежали на ее запястье, когда аденозин начал работать. Частота пульса снизилась, а затем он и вовсе пропал. Девушка нахмурилась, выпустила из груди воздух, и все закончилось. Артерия под моими пальцами трепыхалась с обычной скоростью, о чем я сразу сообщил коллегам. На этом все должно было закончиться, ведь расследовать этот эпизод скорая не должна. Это задача местного кардиолога, к которому можно обратиться в плановом порядке. Но не тут-то было. Когда спустя двадцать секунд после

того, как я отпустил ручку нашей пациентки, из ЭКГ-аппарата полезла разлинованная бумага, стало понятно, что мы вернулись в точку "А". Фельдшер Ваня посмотрел на меня с немым вопросом: "Это ты опозорился или ритм снова слетел?". В ответ я сделал большие глаза, постаравшись доверху наполнить их непониманием и обидой.

Оля тоже поняла, что одной инъекцией вылечить ее не получилось; лицо у нее заиграло оттенками, остановившись в итоге на трупной белизне. Мама же ее, казалось, вообще слабо понимала, что происходит, и ее присутствие в основном сводилось к озвучиванию междометий вроде "ой-ей-ей" с абсолютно случайными временными интервалами. Мы решили повторить аденозин. Чтобы наглядно видеть, как работает препарат, мы собрались записывать ЭКГ одновременно с его введением. По хорошему, так следовало бы сделать с самого начала, но аппарат наш устроен так, что он записывает кардиограмму по требованию в течение определенного времени. А поскольку аденозин у разных людей действует с разной скоростью, не всегда удается правильно попасть в "окно" работы аппарата. Но теперь я уже представлял, как быстро работает лекарство конкретно в организме Оли, поэтому проблем с этим у нас не было.

Все, что случилось далее, можно в некоторой степени считать следствием моей оплошности. Хотя к тому времени мне уже было кое-что известно о психотипе нашей пациентки, я безо всякой задней мысли разместил ЭКГ-аппарат сбоку от Ольги, так что он оказался в ее поле зрения. Ваня ввел аденозин, а потом я нажал на кнопку и стал следить за ползущей лентой. Ритм сердца замедлился, а потом по бумаге поползла прямая линия. Через две секунды глаза Оли, следившие вместе со мной за лентой, закатились - девушка потеряла сознание.

Такое при использовании аденозина случается редко. Дело в том, что несмотря на дискретную работу сердца (которое сокращается циклами), кровь в нашем организме движется постоянно. На входе в круг кровообращения сердце создает максимальную величину давления, а на выходе давление всегда близко к нулю; поддерживают давление стенки кровеносных сосудов. Даже когда сердце расслабляется, кровь стремится перейти из области высокого давления в область низкого (а обратно течь ей не дают сердечные клапаны). Если в артериях еще заметна работа сердца (кровь ускоряется и замедляется, хотя и продолжает двигаться постоянно), то в венах она течет спокойно, без рывков. Благодаря этому даже при остановке сердца на протяжении нескольких секунд сохраняется адекватный ток крови, поддерживающий сознание человека. Это, конечно, при условии, что кровеносная система остается замкнутой: отрезанные головы не сохраняют сознание, потому что при повреждении крупного сосуда давление моментально падает и омывание кровью органов прекращается.

Оля "вырубилась" подозрительно быстро. Еще спустя две секунды на пленке появился нормальный ритм. Лицо девушки залилось румянцем, но в сознание она не приходила. Тогда я сразу подумал, что скорее всего Оля потеряла сознание просто напугана от страха. Действительно, каково столь тревожной особе было наблюдать в режиме онлайн, как останавливается ее сердце? Мои стремительные размышления насчет причины этого обморока прервал очень неожиданный вопль сзади: "Убили!". Олиа мама сложила в уме пару нехитрых наблюдений - инъекция, потеря сознания, прямая линия на ЭКГ - и вынесла нам поспешный вердикт.

На этом ситуация могла бы и разрешиться, оставшись забавным курьезом. Всего то и нужно было, что успокоить маму и объяснить ей доступным языком, что произошло и почему это не представляло никакой опасности. Привести в сознание дочь, конечно. Но мама, очевидно, уже затратила на анализ ситуации все имеющиеся на тот момент интеллектуальные ресурсы. Своим следующим после обличающего крика действием она нас порядком удивила. Мама не стала тормозить "бездыханную" дочь, не стала кидаться на нас с обвинениями и угрозами, не стала терять сознание. Вместо этого она проворно выскочила из квартиры и начала звонить во все соседские квартиры, вопя при этом что-то нечленораздельное.

Мы остались у "тела" Ольги. На ЭКГ держался нормальный ритм, перемежавшийся ударами сердца не по расписанию - экстрасистолами. Скорее всего, они при определенных обстоятельствах и служили зачинщиками электрического беспорядка в сердце. Все это не вызывало у нас никаких опасений, и мы деловито распечатывали самое необходимое сейчас лекарство - нашатырь.

Соседи оказались людьми по-граждански ответственными: они наскоро напялили на себя разномастную одежду и большой толпой повываливали на лестничную площадку. Панические настроения Олиной мамы быстро передались всем остальным. В комнату как вихрь влетел седоватый, представительного вида мужчина лет пятидесяти. Лежащая без памяти девушка послужила для него достаточным подтверждением услышанной версии о врачах-убийцах. Грозным голосом он потребовал от нас следующее: "Руки вверх! Ваши удостоверения!".

У меня от неожиданности даже речь отняло. Чего угодно можно было ожидать в этом бедламе, но "ваши удостоверения"? Вероятнее всего, в минуту чрезвычайного напряжения в голову этому мужчине прежде всего пришли какие-то закрепленные жизнью речевые установки. Может он был комендантом?

Стремительность действий соседей была просто поразительной. В течение первой минуты этого всколыхнувшего второй подъезд скромной пятиэтажки хаоса один из них успел вызвать милицию, а второй прибежал на помощь к седоватому с каким-то ломом. Как потом выяснилось, вызов на нас поступил со словами "убийство, преступники заблокированы на месте". Не зря все-таки люди НТВ смотрят.

Мы и впрямь были заблокированы. К счастью, Оля решила, что три дня будет многовато, и воскресла уже

через пять минут. Сцена получилась драматическая: девушка испуганно смотрела на пятерку соседей, а те в свою очередь тупо таращились на ее грудь. Натужный скрип шестеренок в их мозгах был почти физически слышен. Обстановку разрядил материнский вопль ("Доченька моя, доченька!") и приближающийся звук сирены. Последний особенно не понравился соседям, и они гуськом потянулись обратно в свои квартиры.

Оставшуюся часть ночи мы давали показания для милицейского протокола. Девушка и ее мама посматривали на нас с каким-то животным ужасом. Мне подумалось, что любая из них теперь скорее умрет, чем вызовет для себя скорую. Но худа без добра не бывает: что-то мне подсказывает, что мужчины-соседи сладко причмокивали, досыпая в тот день остаток ночного сна.

Ампулы...

Водитель такси — интеллигентный немолодой человек — неспешно и почти без эмоций рассказывал о своей жизни. У жены рак, четвертая степень, врачи здесь тянули деньги, занимались ерундой. Повез жену в Израиль — там остановили процесс, даже сделали случай операбельным; но надо пройти еще один курс, а там это дорого: начинали-то, говорит, когда было 32, а сейчас 70...

Израильтяне дали ампулы на курс, чтобы пройти в Москве, но предупредили: пускай в больнице вскрывают при вас, а то своруют, а в вену зальют, чего ни попадя. Ну, мы, говорит, приходим в больницу: так и так, а они говорят: нет проблем, пять тысяч.

За то, что вскроем ампулы при вас.

Читай: за то, что не свороем и не зальем вашей жене дряни в вену вместо лекарства.

И он заплатил — делать-то, говорит, нечего. У нас, говорит, сын в футбол играет, во второй лиге, помог матери...

Он помолчал немного, а потом спросил:

— Почему я не еврей?

У меня не было ответа на этот вопрос.

Были ответы на пару других, но их он не задавал.

© <http://newtimes.ru/articles/detail/101176/>

Поликлиника

30 декабря. Два часа дня.

Ты надеваешь первые штаны, первый свитер, вторые штаны, второй свитер, шерстяную жилетку, шерстяные носки, шерстяной шарф. Все заправляешь друг в друга. Надеваешь перчатки, на них рукавички, на голову балаклаву и вязаную бабушкой шапку. Потом надеваешь куртку, на ноги сапоги, на сапоги надеваешь кошки, берешь ледоруб и идешь на улицу.

Ты идешь по улице и думаешь, насколько беспощаден этот мир к человеческим слабостям. Ведь ты еще не успел начать есть мамины салаты, как у тебя заболел живот. У тебя болел живот три дня и три ночи, и теперь, когда боль достигла своего апогея, ты подобно крейсеру «Аврора» бороздишь снежную равнину, и конец твоего пути будет возвещать конец этой бессмысленной боли.

Ты идешь туда, где страдали десятки тысяч, туда, где умирали миллионы, туда, где никто и никогда не был счастлив. Ты идешь в поликлинику.

Если собрать весь человеческий страх, боль, ненависть, беспощадность и безумие, вы получите не Гитлера, вы получите безобидное здание белого цвета, с холодными длинными коридорами и рядами неудобных кресел.

Ты приходишь в поликлинику, снимаешь куртку и кошки, отдаешь в гардероб. Ты вешаешь ледоруб на стену для ледорубов.

Три часа дня. Ты пришел за час до начала приема. Ты шестой в очереди.

Ты примерзаешь к стулу, и через два часа из нормального человека ты превращаешься в безумца из очереди. Ты перестаешь пропускать людей, которым «на секундочку только спросить»... Ты не пропускаешь одноглазого инвалида-колясочника. Пока никто не видит, ты отрываешь сосульку от своего носа и протыкаешь ему колесо и выкалываешь второй глаз.

Твои соседи – несчастные больные люди одобрительно кивают. Симпатичная девушка на соседнем кресле, кажется, совсем перестала дышать. Видать замерзла насмерть. Ты снимаешь с нее шарф – это трофей.

Спустя шесть часов, ты заходишь в кабинет. Нечто похожее на человека, в белом халате и белой маске неодобрительно зыркает в твою сторону и бурчит стандартные фразы. Ты садишься на стул, и пишешь, что у тебя болит живот. Ты пишешь, потому что у тебя от холода совсем пропал голос.

Терапевт смотрит на тебя так, будто бы ты убил ледорубом всю его семью и теперь пришел за ним. Он щупает твой живот холодными щупальцами, и стучит по нему, сбивая морозную корку. Ты подумываешь о том, что убить его ледорубом не такая уж плохая идея. Но за ним надо идти в гардероб, и снова стоять в

очереди, но еще одну очередь твой организм не выдержит. Ты думаешь о том, что пару веков назад тебя бы лечили морфием, а может быть даже кокаином, но вместо этого тебе делают клизму и суют в попу зонд, а потом сразу в глотку. У тебя такое впечатление, что ты только что снялся в гей порно. И это явно не входило в твои новогодние планы.

У тебя все таки аппендицит. 31 декабря. Тебе сделали операцию.

Новый Год. В палате только ты и умирающий дед. Он сыт в специальный кулечек, ты всё это видишь, потому что кулечек висит прям у тебя перед глазами.

Куранты бьют 12, дед смотрит тебе в лицо и сыт. Тебе кажется, что это всё ужасное стечение обстоятельств, роковое невезение. Но это не так. Просто ты родился в России. С Наступившим!

Подборка пикч

Осторожно,
врачи.

Врачи в законе.

Доктор Хаус
озадачен.

См. также

- [Врачи-убийцы](#)
- [Медик](#)
- [Скорая помощь](#)
- [Ноотропы](#)

Ссылки

- [Врач — о жизни после реформы здравоохранения](#)